

Однажды, лет пять назад, мы с Александром Дольским пошли на концерт Михаила Жванецкого. Был это один из полуофициальных творческих вечеров искрометного, неунывающего Михаила Михайловича в большом зале довольно приличного концертного комплекса Москвы. Зал грохотал и аплодировал, Жванецкий развлекал и развлекался, с отчаянной веселостью произнося свою изящно упакованную в юмор «крамолу».

Потом мы шли с Сашей по вечерней Москве и, вместо того чтобы продолжать смеяться, напряженно и грустно молчали. Нам было горько, тяжко: до нас бесповоротно дошло, что нас не смешили, не развлекали, нам обнажили кровотокающую исповедь о времени, о себе, о нас.

Я вспомнила этот эпизод не случайно. Лиричный, акварельный Дольский, Лель наших бардов, поющий безнадрувно, говорящий спокойно, с петербургской интеллигентностью и соразмерностью, — тоже являет собой сжатую пружину нервного чувства, пережитой и осмысленной горечи знания о жизни, впитанной и саккумулированной солнечной радости бытия.

Я люблю его и не делаю из этого секрета, хотя знаю, что есть мои коллеги, то снобистски, то еще по каким-то своим соображениям недобро относящиеся к Дольскому. Одни говорят: музыкант он неплохой, а вот тексты... Другие вообще не желают беседовать о Дольском, полагая, что все это — для молодых девичь или для неискушенной провинции.

Мы познакомилась на Смоленской АЭС, куда приехали в составе шефской бригады выступать перед строителями.

До этого я знала одну песню Дольского, да и та — о, стыд! — оказалась бачуринской. Но Саша не обиделся, а через пару дней я уже напевала его песни, услышанные на встречах с нашими читателями и почитателями, и они так и остались во мне его музыкальной визитной карточкой, звуковым рисунком души. Я уже не могла жить без этой гаммы, этой музыки в себе. Я, как это было у меня и с Высоцким, не могла отделить слова от музыки, они слились в мгновение переживания, страдания и счастья, творимого

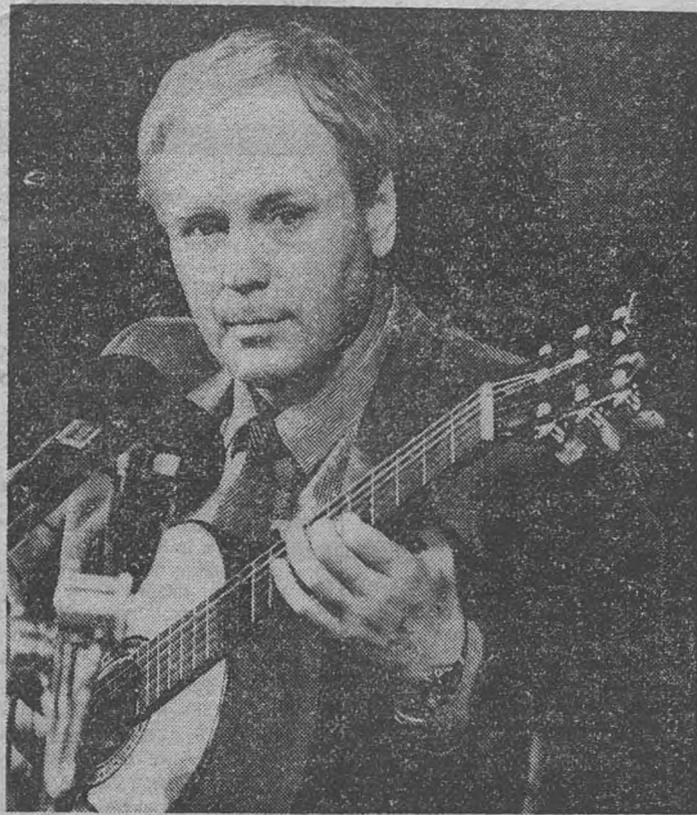
только причастной к искусству по призванию, созидающей душой.

Самолет мой, крест нательный у аэродрома...

В этой прелестной песне для меня, без конца летающей по всем возможным трассам неба, так остро и памятно запечатлена и самолетная тоска по земле, по любимым на земле, и эта страсть неба, и бесстрашие перед самой жестокой и загадочной из всех бездн.

«Ладони на глазах», «Две женщины», «Одиночество»... Я никак не могла понять, почему Дольский поет — «но одиночество прекрасней!» Как-то спросила об этом у Саши. «Знаешь, видимо, вот что я имел в виду... Кто не может оставаться один, наедине с собою, не чувствуя при этом себя обделенным, обиженным, тот и с людьми будет всегда одинок. Трагически и безвыходно одинок».

Нет нужды пересказывать песни Дольского, их знают миллионы и, в отличие от некоторых ревнивых или спесивых моих коллег, любят. Я только хочу сказать, что особенно дорого мне. Замечательная песня «Прощай, двадцатый век!», полная

мой жизни, ибо все определяет, в конце концов, она и никто больше. Но сам Дольский, однако, делающий со своей гитарой свободно и по-моцартовски счастливо, рукою мастера все, что ни пожелает, просто ставит — маленькой речевой частицей — в преимущественное перед музыкальной положение. Этот трепет, это рудокопское, пилигримское, требовательное и всецелое отношение к слову уже само по себе поэзия.

И вызывает удивление равнодушное отношение издающих инстанций к книге стихов Дольского, которая, как чужой ребенок, все кочует по редакторским столам без всякой перспективы. Я знаю эту книгу, она оригинальна, полна философских, самобытных, добытых трудом и опытом сердца раздумий о жизни. Сейчас эта книга лежит в издательстве «Советский писатель». Может быть, в эпоху, когда что-то начинает значить и мнение читающей, воспринимающей искусство публики, она все же будет издана?

...Одна из самых дорогих для меня песен Дольского — «Ленинградские акварели». Мое «ленинградское» чувство — ибо, прожив в Ленинграде лучшие годы детства и юности, считаю себя ленинградкой, человеком, выстроенным, сложным Ленинградом, — очастливлено этими словами и звуками, этой строгой, возвышенной песней.

Она заканчивается словами, в которых — и прошлое дивного города, и сложность многих страниц его бытия, и сам он, город-человек, город-мир, город-мы, наша эпоха, наша жизнь, наше ужасное, нелепое, бесчеловечное — самое человеческое, жертвенное, сумасшедшее время:

...Кто-то кистью, кто-то мыслью измерял фарватер Леты. Кто-то честно, кто-то жадно расплатился за сюжеты...

Александр Дольский вот уже много лет честно, безоглядно отдачей своему делу, платит за трудный сюжет своей жизни. Его любят те, кому он служит, кому дарит свои песни. Пора бы воздать ему должное во всем, что он давно заслужил.

Римма КАЗАКОВА.

Фото В. Виноградова.

«И ВЕРИТЬ В ДОБРЫЕ ПРИМЕТЫ»

надежды и горечи, прощающая и требующая... социально зрелая и значимая.

Исчезали Атлантиды, и династии, и боги... Невозможно исчисленьем сущность времени понять.

В возраст нашего столетия уместились две эпохи: навсегда ему семнадцать и навеки сорок пять!

Появившаяся в еще «доперестроечный» период песня «Жесточкая молодежь» лаконично и точно говорит о той нашей молодежи, которая была развращена и извращена тогдашней общественной ситуацией, направляемая незримой рукой «безумных стариков».

Я люблю высоко профессио-

нальные полустилизации Дольского — «Господа офицеры», «Сегодня или никогда», «По улице Гороховой»... Я не могу их назвать стилизациями, добавляю приставку «полу», ибо в этих театральных, игровых, лукавых или грустных песнопениях Дольский присутствует тоже так лирически искренне, так полноценно, что момент достоверности перебивает, переигрывает формальные условия стихотворно-музыкальной игры.

Люблю польский цикл Дольского, в котором — доброе, чистое прикосновение к другой культуре, к другой истории, бережность и боль, нежность и правда. Мне нравятся иронические песни Дольского — «Враги», «Уважаемая совесть»...

У Дольского несколько раз были напечатаны стихотворные подборки. Помню публикацию, скажем, в «Литературной газете». Меня тогда особенно тронули стихи «Два мальчика на длинном берегу». Я знала их как песню, а прочитав глазами, услышала даже не музыку Дольского аккомпанементом к этим строчкам, а — музыку прибоа, крик чаек, музыку песка и ветра, музыку отцовской любви к юным сыновьям.

Много лет наблюдаю за тем, как работает Дольский, как буквально в поте лица добывается окончательности слов и отточности их музыкального осуществления. Действительно, это тот случай, когда, как сам он писал, две женщины, две музы правят его трудом, любовью и судьбой.

Назвал я музыку любимой сестрой, поэзию — любимейшей сестрой...

Кто же он, Александр Дольский, — прекрасный музыкант, одаренный стихотворец? Не буду брать на себя функцию са-

Стихи и музыка Александра ДОЛЬСКОГО

ПОКА ЖИВЕШЬ

Как хочется, пока живешь на свете,
Наслушаться прибоа и скворцов,
Настроить фантастических дворцов
И не бояться быть за них в ответе.
На громкие слова слывя скупцом,
Не замечать обиды и наветы,
А если и придется быть купцом —
Иметь в кармане ветры да планеты.
Так хочется, пока живешь на свете,

Быть добрым сыном, правильным отцом,
Усвоить суть свободы и запрета,
Быть искренним, как в час перед концом,
И не жалеть о том, что не был где-то.
Вставать с постели задолго до света,
Распознавать по взгляду мудрецов,
Не приставать с наукой и советом
И научиться жить, в конце концов
Так хочется, пока живешь на свете.

И, вспоминая дом с резным крыльцом,
Задуматься от детского ответа,
Не злить ни стариков и ни глупцов
И верить в сны и добрые приметы.
С гармонией, палитрой и резцом
Играть свободно: словом, звуком, цветом —
Но никогда ни правдой, ни лицом,
И брать за все душой, а не монетой
Так хочется, пока живешь на свете.

Музыкальная запись песни «Пока живешь» с нотами и аккордами. Текст песни размещен под нотами.

Спокойно Em H7 Em
Как хо-чет, ся, по-ка жи-вешь на све-те, на-
-чом, не замечать о-би-ды и на-веты, а

Am D7 G
-слу-шать, ся при-бо-а и сквор-цов, ит-
ес-ли и при-дет, ся быть куп-цом —

Am H7 Em Am H7
-стро-ить фан-тастических дворцов и не боя-ться быть за них в от-
-мать скор- ма-не вет-ры да пла-не-ты.

Em Am D7
-ве-те. На гром-кие, а слова слы-вя скуп-
Так хо-чет, ся, по-ка жи-вешь на све-те. Быть!
(Конец)